пионер

П 29
34

ВЫХОДЯТ ЖЕЛТЫЕ, ЧЕРНЫЕ, БЕЛЫЕ,
ГОРЯЧЕЙ КРОВЬЮ СТУЧАТ СЕРДЦА.
МЫ ВМЕСТЕ ДЕЛО ВЕЛИКОЕ ДЕЛАЕМ
И ДЕЛО СВОЕ ДОВЕДЕМ ДО КОНЦА!
НЕНАВИСТЬ, ЕЫЙДИ! ЗАБУДЕМ СТРАХ,
СВОИМИ РУКАМИ СВОБОДУ ПОЛУЧИМ.
ПОНЯТНО ВСЕМ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ:
РЕВОЛЮЦИЯ! РЕВОЛЮСИОН! РЕВОЛЮШЕН!

Ев. Долматовский (см. стр. 8—9)

№ 5

МАРТ
1939

Издание „Комсомольской Правды“

К БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО — БУДЬ ГОТОВ

пионер

боевой и старейший общественно-литературный журнал пионеров и школьников

Девятый год издания

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ

МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Адрес редакции: **Москва, Центр, Новая площадь, 6-8. Прием авторов и деткоров от 1 до 4 ч. ежедневно, кроме выходных: 6, 12, 18, 24, 30. Телефон 2-35-26**

О международном ЖЕНСКОМ ДНЕ

Каждый год 8 марта празднуется день работницы и крестьянки.

Каждый год в этот день подводятся итоги проделанной работы по вопросу раскрепощения женщины, по вовлечению женщины в общественную и политическую жизнь, в работу строительства социалистического общества.

День 8 марта отмечается не только у нас в Союзе, его отмечают трудящиеся всего мира.

8 марта — **международный** день женщины.

Нынешний международный день работницы проходит в обстановке необыкновенного кризиса и безработицы в капиталистических странах и колоссального роста народного хозяйства Советской страны.

Кризис и безработица легли тяжелым камнем на пролетарскую женщину капиталистических стран.

Всегда забитая и бесправная, она теперь еще больше это чувствует: при сокращении рабочей силы женщину сокращают первой; женский труд оплачивается грошами.

Женщина в зарубежных странах влачит жалкое существование в плену у кухни, корыта, вечно под угрозой голодной смерти вместе со своими детьми.

«...**домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжелым трудом, какой осуществляет женщина. Этот труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало развитию женщины»,**—говорил В. И. Ленин на конференции московских работниц.

У нас в Союзе женский труд применяется на производстве наравне с мужским трудом. За последние годы женщина выросла и вырвалась из «класса» домашней хозяйки, она добилась возможности работать в любой отрасли промышленности. Втягивать женщину в производство диктуется партией и правительством.

На этой же конференции тов. Ленин говорил:

«Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же место, как и мужчина».

В ответ на слова тов. Ленина каждый год, а может быть и каждый день по всем уголкам обширного Советского союза строятся и улучшаются фабрики-кухни, столовые, прачечные, детские дома, сады, ясли.

Общественное строительство проникает в такие уголки, где люди до сих пор жили в юртах, ели сырое мясо, в такие уголки, где стоит постоянная зима, где люди оторваны от культурного мира на много месяцев.

Правда, еще чернеют чадры на лицах наших восточных женщин, но их осталось мало. Когда-то закрытая от всего живого под черной душной чадрой, женщина Востока тоже включилась в строительство социалистического государства.

С каждым годом, с каждым днем все больше и больше женщины Советского союза, простившись с горшками, примусами и корытами, встают к станку, садятся за руль трактора, занимают ученые кафедры, одевают военную форму, бесстрашно управляют рулем аэроплана.

Директор фабрики, врач, инженер, профессор — эти имена приобрели женщины в Советской стране, те женщины, которые еще так недавно стояли у корыта, которые жили в медвежьих уголках Советского союза, которые еще недавно закрывали свои лица черной душной чадрой от взоров посторонних людей.

Женщина — председатель сельсовета!

Женщина — председатель колхоза!

Женщина — ударница!

Везде, на всех этапах строительства социализма женщина одинакова в правах с мужчиной.

«Преследуя социалистический идеал, мы хотим бороться за полное осуществление социализма, и здесь для женщины открывается очень большое поприще работы. Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от мелкой, отупляющей, непроизводительной работы. Этой работы хватит нам на многие и многие годы»,—так говорил Владимир Ильич. А XVII партконференция громко, чтобы слышал весь мир, сказала, что вторая пятилетка уже сотрет различие классов, что во вторую пятилетку вырастет социалистическое общество.

В стране, где уничтожается класс, где создается бесклассовое общество, где создается социалистическое общество, разве может быть неравноправие, разве может быть порабощение!?

Но еще не все достигнуто!

Туда, где грохочут пушки, туда, где пули «дум-дум» рвут тело замученного пролетариата, туда, где свирепствуют голод и безработица, туда, где «ангел мира» одевает для защиты броневую одежду, — туда должно быть обращено все внимание трудящихся СССР.

Для этого женщина Советского союза должна быть готова бросить свои силы на помощь трудящейся женщине зарубежных стран, дать ей посильную помощь в ее борьбе с игом капитала.

Пионеры и комсомольцы! Ваша задача—помочь вашим матерям быть грамотными, быть общественницами, быть строителями социализма.

Кто, как не дети, могут повлиять на мать в домашнем быту!

Задача пионера-школьника, комсомольца — принять самое деятельное, самое близкое участие в перестройке СССР из страны отсталой в технико-экономическом отношении, страны безграмотной в страну передовой техники, в страну сплошной грамотности.

В международный женский день нужно подвести итог ликвидации неграмотности среди работниц и крестьянок.

На женщин СССР смотрят женщины всего мира как на передовых женщин, с них берут пример, у них учатся.

Нужно быть грамотными, нужно быть общественницами, нужно бороться с домашним бытом!

Работницы и крестьянки СССР, вам помогут ваши дети, пионеры и комсомольцы, они вам покажут путь к знанию, к новой жизни, к социалистическому обществу.

П 29
54

Грузинка-трактористка, комсомолка Мчедишвили Кето, активнейшая культработница колхоза. Принимает участие в выпуске стенгазеты, руководит драмкружком, регулярно проводит громкую читку. Под ее руководством ликвидировали неграмотность 40 колхозников

„... мы можем теперь сказать с полной гордостью, без всякого преувеличения, что, кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где было бы полное равноправие женщин, где бы женщина не была поставлена в унизительное положение, которое особенно чувствительно в повседневной, семейной жизни. Это было одной из наших первых и важнейших задач".

(ЛЕНИН)

Детские ясли стали доступны и в казакстанских степях

Тов. Еремина — линотипистка типографии „Рабочей газеты" в Москве

Женщины-туркменки овладевают наукой,

Тов. Макарова, Мария Ивановна—директор Первомайского зерносовхоза Нижневолжского края, награжденная орденом Ленина

Г.П.Б. в Лнгр. Ц

РАЗВЕДЧИКИ ОКТЯБРЯ

Луиза Мишель—активная участница Парижской коммуны

очерк В—Р

«Улица—насколько хватает глаз, полна мундирами, развевающимися знаменами, сверкающими штыками. Музыка гремит во-всю. Десять, двадцать, сто батальонов проходят, сливаясь в многоцветное море знамен, бушующих на площади.

Красавцы батальоны. Как весело бьют барабаны. Это не тревожный зловещий бой, но звонкая дробь, звучащая как крик победы.

Как радостно гремит музыка. А эти широко раскрытые рты, поющие марсельезу... Эти красные знамена с золотой бахромой, эти кокарды из красных лент на штыках, подобные пучкам красных цветов...»

Все это было солнечным утром 18 марта 1871 г., когда родилась Парижская коммуна. Солнце заливало ослепительными потоками всю эту картину, отражаясь в боевых знаменах батальонов. На площади были установлены особые подмостки, на которых за большим столом, покрытым красной материей, заседали вожди коммуны—члены Центрального комитета, в красных шарфах с серебряной бахромой.

Когда Центральный комитет об'явил о провозглашении коммуны,—ружейный залп потряс Париж, и из тысячи грудей раздался крик восторга, сливающийся в единый возглас:

— Да здравствует коммуна, да здравствует республика!

Сто тысяч ружей, сверкнув ста тысячами огней, поднялись над ста тысячами обнаженных голов, клялись всему народу — «победить или умереть!»

Так началась героическая борьба парижских пролетариев, пришедших к власти и продержавшихся семьдесят дней — с 18 марта по 27 мая 1871 г.

Положение французских рабочих в те годы было чрезвычайно тяжелым. Им действительно нечего было терять кроме своих цепей. В ответ на оклики городских полицейских:

— Кто идет?

Рабочие обыкновенно отвечали:

— Идут пустые желудки.

Вот почему коммуна как рабочая власть сразу же взялась за коренные улучшения положения рабочего класса.

Короткий срок своего существования коммуна потратила на целый ряд важных мероприятий. Париж в те дни находился в кольце осады.

Вся буржуазия, генералы, попы, чиновники бежали из Парижа в предместье, называемое Версалем, и окопались там.

В то же время Парижу угрожало нашествие немцев, с которыми Франция в те дни воевала. Положение было очень тяжелым, но бодрость и энтузиазм коммунаров заставили их взяться сразу за работу.

Как только отзвучали выстрелы боев в Париже, члены коммуны стали строить новую жизнь. Коммуна сразу заменила старую армию милицией, к которой должны были принадлежать все граждане, способные носить оружие, отделила церковь от государства, забрала все имущество попов и нанесла сильный удар «жандармерии в рясах». Коммуна передала фабрики и заводы, покинутые бежавшей буржуазией, рабочим, она уничтожила изнуряющий тяжелый ночной труд пролетариев, в частности булочников.

Работа в коммуне кипела и днем и ночью. Сами коммунары не признавали уничтожения ночного труда для блага народа. Коммунары пытались уничтожить также и неравенство в образовании.

«Париж хочет,—писали они в своем манифесте,—чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как и сын богача, и притом даром... пусть ребенок с малолетства посещает и школу и мастерскую,— тогда он сможет с малых лет зарабатывать себе кусок хлеба».

Весть о том, что парижские коммунары строят по-своему новую жизнь, где больше не будет места ни эксплоатации, ни рабству, ни угнетению, наполнила страхом и тревогой сердца бежавшей французской буржуазии. В Версале кровавый палач Тьер, прозванный за свой небольшой рост карликом, стоит во главе правительства французской буржуазии. Он начинает готовить поход против Парижской коммуны. Коммунары, в основном идя правильным путем, допустили в то же время ряд ошибок. Пролетарии Парижа пришли к власти, не имея своей крепкой, могучей, дисциплинированной партии, как наша ленинская коммунистическая партия. Отсутствие такой партии привело к тому, что была допущена ошибка, стоившая впоследствии жизни всей коммуне.

В поведении коммунаров было много благородства, но не было нужной железной выдержки и твердости. Они выпустили армию буржуазии из Парижа вместо того, чтобы преградить ей путь и разоружить ее. Они не захватили денег, которые буржуазия оставила в банках, не успев забрать во время бегства в Версаль, они не сумели связаться с крестьянами, хотя некоторые попытки и были сделаны.

Как бы ни были замечательны по своим личным качествам вожди коммунаров,—им всем пришлось расплатиться очень жестоко за эти ошибки.

Кровавый карлик Тьер открыл наступление на Париж. Отряды коммуны—национальная гвардия—дрались с необыкновенной храбростью. Красные генералы Фруланж и Дюваль

Коммунары в Версальской тюрьме

были захвачены в плен и расстреляны. Погиб на баррикадах Ярослав Домбровский—один из самых бесстрашных героев коммуны. Он бросился умышленно в самый сильнейший огонь, чтобы умереть и не видеть поражения коммуны. Но даже и здесь, в армии коммуны, несмотря на отчаянное ее сопротивление, не было той дисциплины, которая существует у нас в Красной армии.

Отдельные отряды национальной гвардии дрались, как львы, но в то же время отказывались подчиняться верховному командованию и защищали в первую очередь те участки, в которых жили их семьи.

Этим отсутствием дисциплины в войсках коммуны воспользовалась буржуазия, которая бросила на Париж армию, намного превосходящую силы коммунаров. И 27 мая изможденные коммунары, покрытые кровью и грязью, измученные осадой и бессонными ночами, покидают свой последний бастион и укрепляются на кладбище Пер-Лашез.

В этих последних боях с особенной храбростью дрались подростки—эти «пионеры» Парижской коммуны. Наряду с мужчинами и женщинами десятилетние мальчишки упорно сжимали в руках винтовки и стреляли без промаха во врага. Командир 141-го батальона Жюльен в своем боевом рапорте писал:

«Подростки воспитательного дома, обслуживающие пушки, гибнут во множестве, но все же остаются на своих местах».

На баррикаде падает мертвым юноша 16 лет, державший знамя, другой подхватывает знамя, взбирается на камни и показывает кулак врагу. Его заставляют слезть, он отказывается до тех пор, пока его не сталкивает пуля.

Молодая девушка с черными волосами сражается целый день. Пуля в лоб убивает ее.

На одной из баррикад лучшим стрелком был ребенок.

Баррикады взяты версальцами. Их защитники взяты и поставлены к стене. Мальчик подходит к офицеру и просит три минуты отсрочки: его мать живет недалеко, он хочет с ней проститься. Офицер отпускает его, не надеясь на возвращение. Три минуты спустя он слышит возглас:

— Вот я!

Мальчик беззаботно прислонился к стене рядом со своими расстрелянными товарищами.

Но и эта беззаветная храбрость не спасла коммунаров.

28 мая Париж окончательно был взят войсками буржуазии.

Пролетарии потеряли около 100 тысяч своих бойцов. Среди них—огромное количество лучших рабочих.

Воды реки Сены побагровели от крови. Повсюду лежали трупы расстрелянных. На груде человеческих тел торжествовал победу кровавый палач Тьер.

Но «гром парижских пушек разбудил спавших глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас». Так писал о Парижской коммуне вождь мировой пролетарской революции тов. Ленин.

Расстрел коммунаров

Героическая смерть коммунарки

И когда в 1917 году под руководством тов. Ленина большевики взяли власть в свои руки, они не совершили ни одной из тех ошибок, которые были допущены коммунарами. Взяв власть, они закрепили ее за собой. Создав армию, они построили ее на твердой революционной дисциплине. Изгнав буржуазию, они твердой рукой захватили все ее ценности. Наконец они закрепили тесный и нерушимый союз между пролетариатом и крестьянством как основу советской власти.

Вот почему, продолжая дело коммуны, мы застрахованы от ее поражений и можем смело итти вперед по пути новых побед.

Коммунары были только разведчиками Октября. СССР же является тем боевым авангардом, вслед за которым все страны мира пойдут по славному пути мировой пролетарской революции.

День 18 марта — день МОПР

В великих буднях социалистической стройки, в шуме станков и тракторов не забудем однако наших предшественников — пролетариев Парижа 1871 г.

Им, их светлой памяти и посвящается день 18 марта.

День МОПР должен проверить боевую готовность мопровских рядов к борьбе за выполнение народнохозяйственного плана 1932 г.

День МОПР должен быть использован для оживления интернационального воспитания колхозника.

День МОПР должен показать наши достижения в области осуществления ленинской национальной политики.

В день МОПР мы должны привлечь наших иностранных товарищей в нашу массовую работу по МОПР.

В день МОПР еще раз проверим нашу готовность к защите рубежей Советской страны, проверим, как поставлена работа МОПР в частях Красной армии.

Школьники и пионеры оказывают огромные услуги МОПР, сотни тысяч «Юных друзей МОПР» активно помогают борцам революции.

Школьники и пионеры участием в организации МОПР помогают не только материально своим интернациональным пятачком, но, включаясь в интернациональную работу, включаясь в работу строительства социалистической страны, доказывают мировому пролетариату, что они готовы вместе с ним строить мировую социалистическую страну.

День 18 марта—первый этап подготовки к 10-летнему юбилею МОПР, к первому международному конгрессу МОПР —таков один из основных лозунгов этого дня.

РЕЙД по ШКОЛАМ

Тов. Вайтмен с англо-американскими учениками на уроке физики

ЗДЕСЬ АМЕРИКА БУДУЩЕГО

И. Рахтанов

Человек, поднявшийся во второй этаж, переплывает Атлантический океан.

Последняя ступенька каменной лестницы еще соответствует последней ступеньке пароходного трапа.

Но дальше уже начинаются несоответствия.

Дальше человека встречает не статуя Свободы и не отряд американских полицейских, дальше человека, поднявшегося во второй этаж дома номер четыре по Большому Вузовскому переулку, встречает англо-американский пионерский отряд. И именно он, потому что, поднявшись по каменной лестнице этого дома, человек сметает географические просторы и исторические пространства и попадает в такую Америку, которой на американском континенте еще нет.

Точнее, он попадает в американскую советскую школу.

Она открылась пятого ноября 1931 года в Москве в порядке всеобуча.

Открылась, как Нижегородский автомобильный завод, как АМО, как и все в нашей стране.

Открылась и через два дня, в Октябрьскую годовщину, демонстрировала вместе с англо-американским клубом на Красной площади.

Это была странная колонна—за нерусскими знаменами шли не по-русски одетые ребята.

— Long live Russian Communist Party! — кричали они.

— Long live American Pioner Grupps!— кричали они и проходили мимо трибуны.

За ребятами шли их отцы—квалифицированные специалисты и квалифицированные рабочие, члены англо-американского клуба, переплывшие океан, чтобы в неведомой стране строить социализм.

Они шли мимо трибуны и держали круглые шляпы в руках.

А на следующий день в школе начались занятия. С тех пор она растет. Каждый день приходят новички. Они приезжают с отцами из Соединенных штатов, из Англии, из Канады. Они переплывают океаны, пересекают континенты и сходятся в Большом Вузовском пер.

Каждый день в школу приходит все больше новичков. Каждый день в СССР на работу приезжает все больше специалистов. Это потому, что дома трубы не дымятся, это потому, что дома закрываются фабрики, и еще потому, что знамена наши огромны и слава о нашем строительстве переплывает Великий и Атлантический океаны.

И сегодня в школе 64 чел.

Они сидят в трех классах.

Сидят и записывают то, что говорит учитель.

Учебников нет.

— Учебники в Америке,—говорят ребята,—но нам они не годятся, нам нужны советские. Для нас переводят русские, но только переводить — это очень трудно.

И вот ученикам приходится очень внимательно слушать учителя и быстро записывать.

А учителю приходится очень медленно говорить.

Вот товарищ Вайтмен. Он преподает физику, химию и математику. И ребята очень довольны. Тридцать человек сидят в классе. Двадцать девять белых за партами, а тридцатый на кафедре—черный. Черный учит белых физике. Товарищ Вайтмен—негр. Вайтмен по-английски—белый человек. Кожа товарища Вайтмена однако совсем не бела. Она сероватo-черного цвета, несчастная негритянская кожа. И белая фамилия вероятно была дана предку товарища Вайтмена в насмешку. Насмешку товарищ Вайтмен привез и в Советский союз, где никому нет дела до того, какого цвета его кожа. Он совсем забыл бы про нее, если бы не иностранные журналисты.

В Советском союзе голова товарища Вайтмена нужнее цвета его кожи.

А голова у него хорошая. Без учебников проходят его ученики химию, математику и физику. И не просто проходят. Не просто по переведенному на английский язык Краевичу. Они проходят так, как никогда не проходили эти предметы в американских школах. Маяковский сказал: «Электричество бывает разное—пролетарское и буржуазное». Товарищ Вайтмен знает это. Он знает ток высокого напряжения, заставляющий самую белую кожу чернеть на электрическом стуле, и знает ток высокого напряжения, бегущий по проводам пятилетки. Знает и рассказывает ученикам.

У него хорошая голова.

Школа, в которой он преподает,—это советская политехническая школа, политехнизированная семилетка, такая же, как 24-я школа БОНО, где она помещается, но только говорящая по-английски.

Американец т. Кособудский, мастер Нижегородского автозавода, работавший раньше на заводах Форда в Детройте. Тов. Кособудский вступил в партию

И все.

На американскую школу она совсем не похожа.

Ученики в ней не должны говорить учителям «sir», что означает «сударь».

«Товарищ»—говорят они учителям.

Учителя называют учеников не «мальчик» или «девочка», а «kids», что в вольном переводе означает наше «ребята». Ученики и есть ребята—дети рабочих и специалистов. Они—советские ребята.

Они разбиты на бригады. Прорабатывают задания коллективно и работают в мастерских.

На них красные галстуки, они мечтают о комсомоле.

У них—политехнизированная школа.

У их отцов — строительство социализма.

И человек, поднявшийся на второй этаж, не только переплывает Атлантический океан; он попадает в совсем особенную страну, в Америку будущего.

Капиталисты, боясь потерять свою власть, жестоко расправляются со всяким коммунистическим начинанием, они преследуют пионеров наравне с коммунистами.

Скоро наш отряд будет интернациональным.

Деткор Камионский

Под одной крышей

Только в Советской стране все ребята могут безбоязненно развивать в себе коммунистический дух, только в Советском союзе китайцы, немцы, англичане, негры могут свободно высказывать свои коммунистические взгляды, могут вступать в пионерские отряды, могут принимать участие в построении новой страны, необычной для всего мира,—Страны советов.

Наша 24-я школа БОНО связалась с англо-американской школой, которая помещается у нас же, и в ней учатся дети англо-американских специалистов и рабочих, приехавших из Америки и Англии помогать строить Советскую страну.

Пионербаза втянула в свои ряды много иностранных ребят.

Мы часто беседуем с ребятами о кризисе у них на родине, о безработице.

Иностранные ребята совершают экскурсии по нашим новостройкам и ясно видят все наши достижения.

Наши русские школьники, чтобы легче об'ясняться с иностранцами, начали старательно изучать язык, а иностранные ребята стараются постигнуть наш.

Интернациональная работа в нашей школе значительно расширилась и улучшилась за последнее время. Ребята вступили в ОСПР и МОПР.

Наша школа ведет переписку с заграничными пионерами и помогает им в их работе.

В Германии скоро начнутся перевыборы президента, германские пионеры должны принять в этих перевыборах деятельное участие, а наши советские пионеры должны помочь им советами.

В Цюрихе (Швейцария) выходит подпольный журнал «Ди Пионер Арбайт». Недавно полиция открыла его местонахождение и арестовала редактора.

Везде пролетарские ребята ведут активную борьбу с буржуазией. Пионеры Петерштадт (Швеция) перетянули 196 ребят из фашистского союза «Эденбрах» в свои пионерские ряды.

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ. В берлинских школах вследствие сокращения учителей группы в классах увеличены до 70 чел. Ученикам в некоторых классах даже не на чем сидеть. Ученики сидят на ящиках

В Москве, столице отечества мирового пролетариата, имеется много школ для нацменьшинств. На снимке: завтрак в немецкой школе

ПО МОСКОВСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ШКОЛАМ

Очерк Матиенко

— Что это — ворота, да еще как будто кладбищенские?—удивленно спросил меня товарищ, когда мы подходили к Рогожскому поселку, где находилась **18-я школа «Под'емника».**

— Да, это действительно раньше было кладбище. Вон там, видишь, стоит красное одноэтажное здание — это столовая рабочих Завода под'емных сооружений и Стекольного завода. А раньше была церковь.

Дальше мы направились через поселок, заселенный рабочими, в школу.

— А раньше что было в этом помещении? — обратился спутник ко мне с вопросом.

— Из этого помещения выпускали квалифицированных попов, проще сказать—это была духовная семинария. Ловко! А сейчас она выпускает людей, хорошо владеющих политехническими навыками,—строителей социализма.

И мы вошли в школу.

В пионерской комнате находились ребята. Разговор у нас как-то не клеился. Ребята лениво отвечали на наши вопросы, но потом сами повели разговор.

— Одно, что можно сказать, — плохо у нас поставлена работа. Вот хотя бы взять интернациональную работу. Была секция интернационального воспитания. Не наладив работу—развалилась. А сейчас только оганизуем ячейку МОПР. Есть у нас инструктивное письмо по интернациональной работе; по нему составим план и начнем работать,— говорит вожатый первого отряда.

— Но вы знаете, как борются дети за рубежом против голода и нищеты?— спросили мы.

Молчание.

— Видно, плохо у вас дело поставлено не только с интернациональной работой, но и с коммунистическим воспитанием. Вы не читаете даже газет,—сказали мы.

— Верно, правильно, — в один голос закричали ребята.

— У нас учком плохо работает,—говорит председатель базы.—Был председатель учкома Десятников, сняли на работу в базу, ну а он ни в базе, ни в учкоме работы не ведет. Поэтому сейчас и подготовка к перевыборам ДСУ не ведется.

— Одно хорошо, что у нас до каждого учащегося доведены новые учебные программы. Сразу видны в них изменения. Вот хотя бы взять русский и немецкий языки: программа стала шире; особенно заметно по физике—ввели новый отдел «астрономия»,— говорит тут же стоящий Десятчиков.

С плохим впечатлением вышли мы из этой школы.

●

«Herzlich willkommen!»

Этот лозунг висит при входе в **15-ю школу «Парижской коммуны».** Главное, что бросается в глаза, — это чистота и порядок в школе. Сама обстановка школы говорит о ходе перевыборов школьного самоуправления.

— Ну, как подвели итог работы «за качество учебы»?—спрашивал пионер, повидимому бригадир этого маршрута.

В канцелярии мы застали вожатого, который нам все подробно рассказал о работе школы.

— По интернациональному воспитанию еще недостаточно у нас развернута работа. По отрядам мы проводим беседы о том, какая сейчас проводится кампания в зарубежных странах и как борются там дети против голода и нищеты. Для оказания помощи пионерским организациям за рубежом мы проводим сбор интернационального пятачка. В общем думаем поставить интернациональную работу на ту высоту, на которой стоит безбожная работа. Ячейка юных друзей МОПР с каждым днем растет, и ребята добьются стопроцентного охвата всех.

— Я могу еще много рассказать, — сказал вожатый. Но мы больше не стали беспокоить его расспросами.

В Москве пять, а сколько по всему Союзу — очень и очень много! Это мы говорим про татарские школы. Вот после того, как мы побывали в русских школах, мы решили ознакомиться с нацменовскими школами.

●

Придя в **школу № 38,** мы ничего не могли понять из того, что говорили ребята, находящиеся в коридоре. Они повидимому сочли нас за людей своей нации и старались говорить громче. Мы прошли прямо в одну из групп, надеясь увидеть там вожатого. И действительно он был там.

— Ребята, выбирая новое самоуправление, мы должны помнить о том, что нужно еще больше мобилизоваться на борьбу за качество учебы и особенно за сознательную дисциплину, которая еще у нас слаба.

Но его плохо понимали ребята. Он говорил по-русски. Тогда их учительница на татарском языке еще раз повторила о значении перевыборов и об'яснила схему ДСУ. Перевыборы окончились. Дружно ребята запели национальную песню. Не понимая ее слов, мы вслушивались в голоса ребят, стараясь уловить смысл.

— Трудно с ними работать, — первым начал разговор вожатый. — Многие из них совершенно не понимают русского языка, а другие знают, но только не совсем крепко.

— Сейчас мы сколотили крепкое ядро пионер-комсомольцев, — продолжал он,— и налаживаем работу в школе. Особенно большое внимание мы сейчас уделяем коммунистическому воспитанию ребят. От этого зависит вся работа школы. Раз'ясняем им, что у нас в Союзе нет национальной розни. Все люди пользуются одинаковыми правами, каждая национальность имеет свои школы, где изучает свой родной язык, в то время как в капиталистических странах сильные нации угнетают слабые.

— Расскажи, как у нас поставлена интернациональная работа, — обратился он к пионерке.

Она немного смутилась оттого, что будет говорить не совсем связно, и начала:

Американские пионеры на демонстрации

ПЕСНЯ

Александр Чачиков

В Союзе множество племен
И множество наречий,
Но будет алый шелк знамен
Одним призывом встречен!
Пионерский слушай рапорт,
Украина, запевай:
—ХАЙ ЖИВЕ ЧЕРВОНЫЙ ПРАПОР
И СОВЕТСКИЙ ВИЛЬНЫЙ КРАЙ!
Белоруссия встречает
Этот песенный напев,
Вмиг приветно отвечает:
—ХАЙ ЧЕРВОНЫЙ СТЯГ ЖИВЕ!

Пионер всегда отважен,
Революций крепнет шаг.
—ЦИТЕЛ ДРОШАС ГАУМАРДЖОС
—ЯШАСУН КЫЗЫЛ БАЙРАХ!
На вершине Арарата
Кумачевый реет флаг.
И летит призыв крылатый:
—АЙ, КЕЦЕ КАРМИР ДРОШАК!
А в ответ несется с Волги:
— Мы построим новый мир!
Клик и радостный и долгий:
—ХЭРЛЕ ЯЛОВ СЫВ ПУЛДЫР!

— Да здравствует красное знамя! — по-украински, белорусски, грузински, тюркски, армянски и по-чувашски.

— Сейчас у нас больше чем 90 проц. ребят состоят в ячейке. Она особенно возросла после интернационального вечера, который мы устроили здесь. На этом вечере были ребята из цыганской школы, осетинской, еврейской, русской. Каждая школа рапортовала о своей работе по интернациональному воспитанию. Этот вечер также явился товарищеской спайкой между различными нациями. Совместные игры и обмен опытом в работе сблизили нас на этом вечере.

Здесь она остановилась.

— Ты ведь не все сказала, — с обиженным видом произнесла здесь же стоящая ученица. — Мы ведь имеем переписку с одной зарубежной страной — это Индия.

— Да, но только мы послали им письмо и до сего времени ответа нет, — понизив голос, сказала она. — Еще мы ведем переписку с одной школой в Киргизии,—торопилась об'яснить она, чтобы это же самое не сказал ее вожатый. — Они нам пишут о своей работе. А мы им описываем, как мы ведем работу в школе.

На этом она заканчивает.

— Мы уже собрали много денег на койку политзаключенным в Индии,— подходя к нам, ломаным языком сказал Исаркин Мустафа.

— С родителями мы тоже ведем раз'яснительную работу, устраиваем вечера, куда приглашаем их, — пояснила та, которая работает в ячейке МОПР.

Время подходило к занятиям, и ребята стали расходиться по группам.

— Идем, у нас работа в мастерской,— сказал Мустафа своему товарищу.

— А что вы сейчас делаете в мастерских? — спросили мы.

Нам ответил товарищ Мустафы:

— Работаем твердо, по программе. Тесно увязываем теоретическую проработку с работой мастерских. Вот взять к примеру по физике: разбираем какую-нибудь машину, так мы ее легкие части делаем у себя в мастерских. Это в нашей школе ввели после об'явления новых программ.

Видя, что ребята торопятся на урок, мы не стали больше их задерживать.

●

— Нижняя Масловка, — сказал кондуктор, и мы вышли из трамвая.

На небольшом белом здании висела вывеска **польско-татарской школы № 14.**

Мы вошли в нее. Вкусный запах горячего завтрака встретил нас.

Было довольно тихо. Лишь из самого конца коридора слышались голоса ребят. Нельзя было понять, что они говорили. Навстречу нам шел пионер. Мы обратились к нему.

— Есть у вас пионеротряд?

— Да, но только маленький — человек 30, не больше. А вожатого нет и поэтому работы нет никакой.

— Ну, а ты что делаешь в отряде?— спросили мы его.

— Да я так работаю, ну, в классе,—и он заметно смутился и больше ничего нам не сказал.

— Пройдемте в зал,—предложила нам учительница, которая подошла к нам во время этого разговора.

Мы с большой охотой приняли ее предложение и вошли в небольшой зал. Судя по тишине, которая была здесь, нельзя было думать, что здесь было много ребят. Они все были заняты своим делом и играли в разные игры.

— Посмотрите вон на тех двух, которые играют в шашки за крайним столом: один из них польской группы, а другой татарской,—обратила наше внимание учительница. — Они у нас очень дружны между собой. Но чтобы добиться этого, нам много пришлось поработать. Поляки были против татар. Родители говорили, что те очень отсталые и грязные и не надо их смешивать с поляками. Но мы их убедили в том, что не должно быть национальной розни в стенах советской школы. И после они с этим согласились.

После этого в школу влили еще цыганскую группу. И сейчас у нас учатся дети трех национальностей. Большое внимание мы уделяем нуждающимся учащимся. На 50 проц. ребята пользуются бесплатными горячими завтраками, особенно дети цыган, а также и одеждой.

Потом мы прошли в рабочую комнату, где ребята обучаются труду. К нам подбежал маленький мальчик, держа в руке выструганный из дерева дирижабль, и что-то сказал по-польски.

— Это он говорит, что когда доделает дирижабль, отправится в кругосветное путешествие,—пояснил нам педагог.

Мы засмеялись.

— Много нам приходится работать, чтобы ребята, особенно цыгане, ходили чистыми в школу и бережно относились к школьному имуществу. Видны уже результаты,—продолжала учительница.

Нам не хотелось уходить. Но было поздно. Занятия второй смены должны были начаться.

Мы ушли.

ДЕТИ В СТРАНЕ „ПРОЦВЕТАНИЯ"

Недавно в Америке был опубликован годичный отчет секретаря благотворительного «комитета детского труда» Динвидди. По данным этого отчета **не менее 3.326.000 детей в возрасте от 7 до 16 лет совсем не посещают школу.**

Огромное большинство этих детей работает где придется — на заводах Детройта и Чикаго, в шахтах Пенсильвании и Огайо, на текстильных фабриках Теннесси, Северной Каролины, на хлопковых плантациях Техаса, где нередко можно встретить пятилетних батрачат на зерновых фермах и в фруктовых садах вдоль побережья Тихого океана.

Мистер Карр, член «Национальной ассоциации воспитания», утверждает, что в нормальное время не менее 2.120.000 детей не посещают школ потому, что работают по найму. Если включить в это число также и детей, работающих в свободное от школы время, то эта цифра увеличится вдвое.

Один из инспекторов «комитета детского труда» заявил, что «дети, работающие на плантациях под палящими лучами солнца, настолько устают за день, что к вечеру очень часто даже не в силах стоять».

Особенно жестокой эксплоатации подвергаются негритянские дети в Америке. «Чернокожие собаки»... — называют белые рабовладельцы негров-пролетариев и батраков, находящихся на положении рабов. Из 3.300.000 негритянских детей в Америке только около миллиона посещают школу; остальные вынуждены продавать свой труд за жалкую плату.

В одном из районов Америки обследователи комитета **обнаружили 2.840 детей в возрасте 14 — 15 лет, рабочий день которых длится от 9 до 11 часов.** В штате Пенсильвания обнаружено одних только 14—15-летних рабочих около 30.000.

Дети — продавцы газет — работают от зари до поздней ночи. Тысячи малолетних продавцов газет ежегодно получают пожизненные увечья, тысячи гибнут от несчастных случаев, десятки тысяч получают менее серьезные повреждения.

Оплата этих маленьких тружеников ничтожна. Но голод гонит детей и на эту работу. Часто на заработок детей «живут» их мать, безработный отец и безработные братья.

На улице капиталистического города.

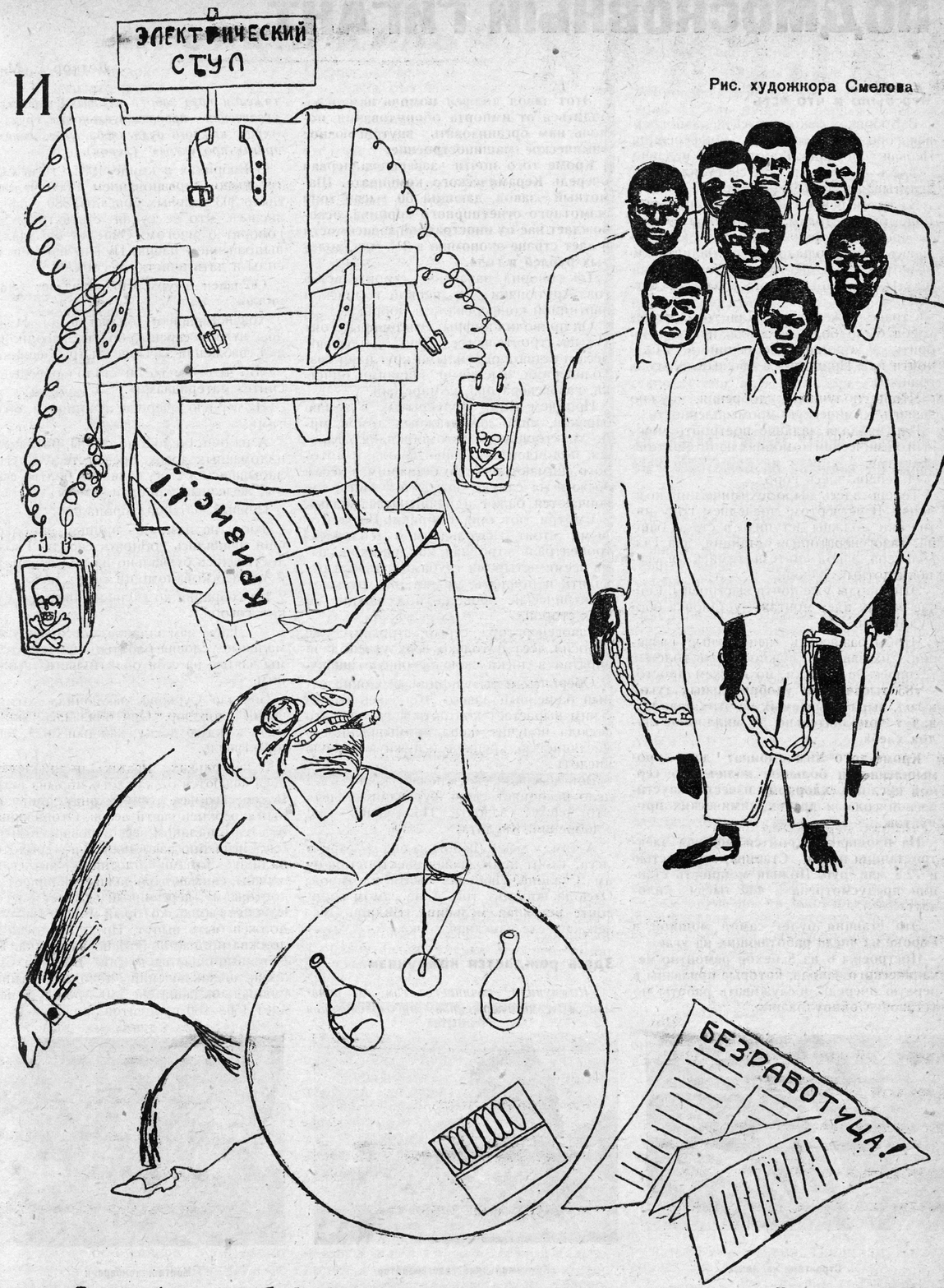
РАССКАЗ о законах ФИЗИКИ

Евг. Долматовский

В англо-американской школе в Москве преподавателем физики работает негр Вайтмен.

По лестницам перемена грохочет,
Звонок водворяет порядок.
Сидят дети английских рабочих
И американских — рядом.
Задание — электрический ток,
Проработку начнем, давайте.
В классе тихо. Ведет урок
Черный учитель Вайтмен.
Из самого сердца беру я слово,
Из самых глубоких недр.
Я вижу снова, снова и снова,
Тебя, товарищ негр!
Меня до краев наполняет ярость
И злобу сдержать губами
Не в силах.
И петь начинаю я
О неграх из Алабамы.
В сторону лейденские банки,
Новый возьмем на уроке пример.
В кожаном кресле от разрыва банка
Умирает миллиардер.
Довольно ждать безработным пулям,
Натянут ненависти каждый нерв.
Видите, на электрическом стуле
Корчится черный негр.
По законам физики — Вольта, Паскаля —
Электрическим током взвинчен
Встает в Америке, глаза оскалив,
Страшный закон Линча.
Идут, чернея суровыми лбами,
Дорогу до них измерьте,
Восемь парней из Алабамы,
Приговоренных к смерти.
Роман, написанный Бичер-Стоу,
Вспомним в последний раз.
Дядя Сам и дядя Том
Встречаются с глазу на глаз.
Я вижу Америку,
Знаю, там
Не дадут об этом кричать.
Старый символ, дядя Сам,
Мы требуем,
Отвечай!
За то, что замучен дядя Том,
За черные твои дела,
За восемь ребят, виноватых в том,
Что кожа их не бела.
Небо в Огайо синее-синее,
Земля от кризиса черная только.
Но чтоб негров жечь,
Хватает керосина
И на страшный стул хватает тока.
На знамени Америки — белая звезда,
Но направлен взгляд миллионов к красной
Смотрят пролетарии туда,
Где встречают не по цвету, а по классу.
Мы выходим.
Города идут за нами,
Порох нам беречь и боль не забывать.
Мы выходим стройными рядами,
Время нам, ребята, запевать.
Ненависть, выйди!
Забудем страх!
Своими руками свободу получим.
Понятно всем на всех языках:
Революция!
Революцьон!
Революшен!
Кулак поднимается, чтобы ударить.
Боевое знамя в руки возьми.
Во всем мире выходят пролетарии
Требовать освобождения восьми.
Выходят желтые, черные, белые,
Горячей кровью стучат сердца.
Мы вместе дело великое делаем
И дело свое доведем до конца.
В мире огромные перемены,
Новые песни по улицам льются,
Урок окончен. На перемену.
Следующий урок —
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Рис. художника Смелова



Пионеры и школьники! Протестуйте против готовящейся американской буржуазией каз[ни] 8 негров Скоттсборо, требуйте отмены смертного приговора, отвечайте на приговор усилением помощи политзаключенным, укрепляйте интернациональную связь с загр[аничными] пионерами и школьниками, вступайте в ряды МОПР

ПОДМОСКОВНЫЙ ГИГАНТ

Деткор Е. Минэ

Что было и что есть

В Бобриках закончилась недавно первая городская партийная конференция. Первая городская. Город живет недавно.

Здесь было поле. Здесь гулял ветер, запутываясь по колено в траве.

За тихой речкой Любовкой опять шло поле, бугры, травы. На горизонте стояла простая ветряная мельница. Она казалась очень большой. В пятнадцати километрах от этого поля—уголь. Это — шахты, Подмосковный угольный бассейн.

Стране нужен хлеб. Для того, чтобы хлеба было больше, землю нужно удобрить. А хороших удобрений в СССР почти нет. Приходится ввозить их из-за границы.

Чтобы получить удобрения, нужно развить химическую промышленность.

Партия дала задание построить мощный химический комбинат на подмосковном угле.

И теперь здесь город.

Теперь здесь вырос Химический комбинат. В четвертом, последнем году пятилетки должны вступить в строй башни, газогенераторная станция, два газгольдера, завод синтеза аммиака и сернокислотный завод.

Эти заводы уже почти выстроены. Сейчас на них идет монтаж—установка оборудования.

Чтобы раз'яснить непонятные названия этих заводов, нужно писать толстые технические книжки, но скажем просто:

«85 тысяч тонн удобрительных туков в год, вырабатываемых на этих заводах, дадут дополнительно 50 миллионов пудов хлеба.

Кроме того Химкомбинат даст промышленности большое количество серной кислоты, хлорной извести, каустической соды и других химических продуктов.

На площадке строится мощная электростанция имени Сталина, стоимостью в 72,9 млн. руб. Полная мощность станции предусмотрена в 400 тысяч киловатт.

Эта станция будет самой мощной в Европе из числа работающих на угле.

Построены 6 из 8 цехов ремонтно-механического завода, которые призваны в первую очередь обслуживать работы по установке оборудования.

Этот завод должен помочь нам освободиться от импорта оборудования, помочь нам организовать внутрисоюзное химическое машиностроение.

Кроме того почти завершена первая очередь Керамического комбината. Шамотный завод, дающий 50 тысяч тонн шамотного огнеупорного кирпича, освобождает нас от иностранной зависимости и дает стране экономию в 3½ млн. золотых рублей в год».

Так говорил начальник строительства тов. Арутюнянц на первой городской партийной конференции в Бобриках.

Он приводил цифры. Эти цифры стоят тут на строительстве. Они скидывают леса и встают огромными круглыми газгольдерами, высокими зданиями очистки, газогенератора, компрессии.

Пройдем мимо полуврытых в землю бараков, мимо двухэтажных домов, мимо тракторного и автомобильного гаража, подойдем к зданию завода, с которого снимают леса. По оставшимся лесам вбежим на самую высокую часть, где кончаются балки и начинаются облака.

Смотри, вот они, Бобрики! Вот часовыми стоят газгольдеры и теплоэлектроцентраль, стройная, как пароход, дымя всеми четырьмя трубами, готовая отчалить и поплыть, но нет, не пускают электрические провода, подходящие со всех сторон.

Газогенератор, серый, строгий, уже сбросил леса и только верх углеподачи спрятал в доски свою бетонную шапку.

Обернись, и ты увидишь сернокислотный башенный завод. Это здесь рядом с ним вырастает контактная группа, это отсюда получит наша промышленность маслянистую, крепкую и нужную серную кислоту.

Вон высокий, неуклюжий кран то и дело наклоняет свою журавлиную шею. Это растут заводы. Понимаешь—газ! Удобрения! Кислота!

А там, у реки Любовки, еще одетая в леса, стоит центральная электростанция им. Сталина. Любовка сжата плотиной. Отсюда побежит ток. А на самом горизонте ветряная мельница. Видишь, маленькая, еле заметная точка.

Здесь рождается коммунизм

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов» (Ленин).

В Бобриках в конце 1931 года было охвачено соревнованием 1.000 человек. Было 303 ударных бригады, 880 ударных звеньев. Это не сухая статистика. Это говорит о многом. Очистка опоздала с выполнением плана. Нужно напрячь все силы и дать очистку в срок.

Об'явлен штурм. Но нехватает материалов.

Хозяйственники сбились с ног. Нужен лес, нужны скрепы, болты, гвозди. Отдел снабжения засыпается требованиями.

«Во что бы то ни стало обеспечить синтез материалами».

«В первую очередь аварийным об'ектам».

А на очистке, около стены, росла куча изломанных досок, бревен, тесу. Кругом, зарывшись в снег, валялись болты, скрепы, железные бандажи.

Ценный материал пропадал.

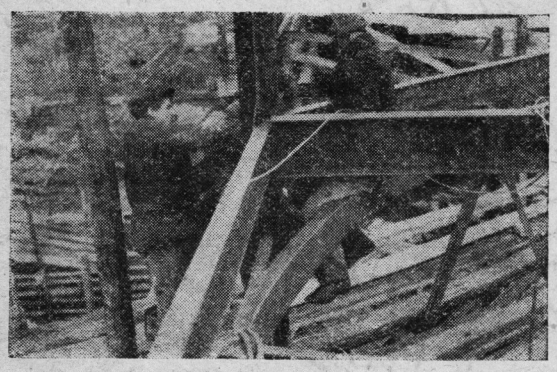
Тогда на помощь пришли пионеры. Они принялись собирать гвозди. Гвозди доставались буквально из-под земли. Но и пионерской помощи было мало.

На собрании коммунист-бригадир Сурков говорил:

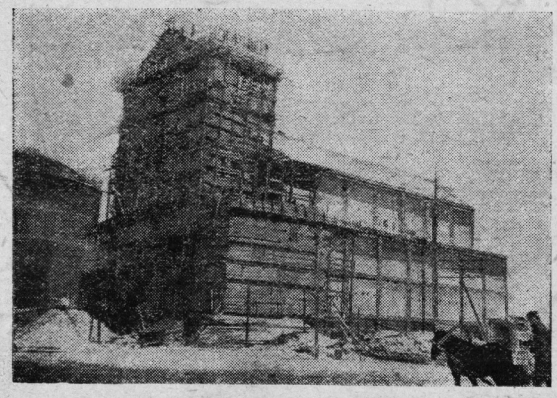
— Дайте нам задание, обеспечьте нормальные условия работы. Учитывайте. А мы взятые на себя обязательства выполним.

Бригада Суркова заключила хозрасчетный договор. Она обязалась экономить каждую доску, каждый болт, каждый гвоздь.

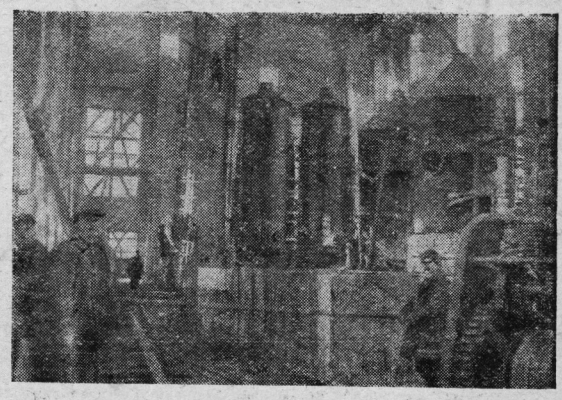
В нескольких местах подрубленные леса качаются от каждого порыва ветра. Восемь человек тянут канат, привязанный к верхней части лесов. Оторвавшись от стены, целиком весь деревянный переплет медленно наклоняется и с грохотом падает. Ломами плотники вырывают скрепы, снимают бандажи, разбирают по косточкам деревянный скелет лесов. Каждый гвоздь, который можно выгнуть, должен быть вынут. Ни одна доска не должна пропасть! Это не задержка. Работа выполняется в срок. Бригада Суркова, до заключения договора выполнявшая задания на 140 проц., теперь дает 150—160 процентов задания



Строители на лесах



Комсомольский газогенератор



Монтаж конверсии

КРОНЦИРКУЛЬ

В школьной слесарке
под грохот и рев
Орехов Иван
стоит у тисков.
В школьной слесарке
сегодня дан
Точный и верный
работы
план:
(начерчена схема,
указаны сроки)
— Сделать
кронциркуль
в 12 уроков.
Твердо решил
Орехов Иван:
— Надо ударно
выполнить
план.
— Значит
мускул
скручу я
туже, —
В работе темп
ураганный
нужен!
Из-под зубила
быстро и резво
Искрятся
острые
кончики лезвия;
Из-под ножовки,
жаркой и пылкой,
Сыплются сизые
опилки;
Воздух в слесарке
настойчиво режет
Неугомонный
напильника
скрежет...
А рядом с Иваном
стоит у тисков,
Парень слабее,
Левка Быков.
У Левки совсем
выполнения
мало,
От всей от группы
в работе
отстал он;
Для Левки работа
совсем
незнакома,
И Ванька
идет
к Быкову
на помощь.
Он тянет
ручищу
свою загорелую:
— Левка!
давай
шарниры доделаю.
— Ладно! —
кинул
Быков в ответ...
И каждый из них
работой согрет.
Пот выступает
на висках,
Ребята
плотнее
приникли
к тискам.
На школьной доске
слесарного цеха
Лев Быков...
...Иван Орехов...
— План выполнен
на два часа раньше срока,
Сделан
кронциркуль
в 10 уроков...

Деткор Сергей ИСАЕВ

Дело чести, доблести и геройства

Комбинат строится не просто. Не все идет гладко. Нехватало рабочей силы, были перебои с доставкой материала, с инструментами, со спецодеждой, были неувязки с питанием, нехватало бараков для рабочих. А работы нужно окончить в срок.

На газогенераторе работа не ладилась. Прогулы мешали работать. Механизмы стояли. Бетономешалка не выполняла норм. Неправильно расставлялась рабочая сила.

Комсомол аммиачной группы взял шефство над газогенератором. Работа пошла боевым штурмом. Были с других об'ектов переброшены рабочие. Введена третья смена. В порядке субботников комсомольцы-шоферы Ульчинов, Савельев, Васильев и другие ночью в метель возили гравий, песок, цемент комсомольскому газогенератору. Если какая-нибудь бригада не выходила, днем ли, ночью—штурмовые бригады комсомольцев, проработав свою смену, становились на место прогульщиков.

За комсомольцами пошли другие рабочие. Бригада бетонщиков Мамыченко, отработав день, осталась работать во вторую смену.

И бригада Носонова не сошла с лесов, пока не был уложен последний кубометр бетона.

Энтузиазм двинул людей на штурм газогенератора, на штурм Керамкомбината и башни Гловера. Люди не спали ночей. Люди жили работой. И когда Миша Берсенев, секретарь комсомольской ячейки Керамкомбината, сейчас представленный к ордену Ленина, уснул наконец дома, он во сне говорил о печах Гросса и о печах Гофмана.

Зеленый город в солнечной оправе

В двенадцати километрах от Химкомбината, куда не будут проникать вредные для здоровья газы химической промышленности, около леса вырастают высокие, светлые, чистые и просторные дома индустриального социалистического города.

Тут уже стоят первые 14 домов.

Город будет иметь 50 тысяч жителей. К заводам пойдет электрическая железная дорога, в аэропорт будут прилетать самолеты.

Свежей краской пахнут стены. Солнце играет в окнах. Город в зеленом кольце. Город, где живут строители и рабочие Химкомбината, где клубы, кино, библиотеки, столовые с дешевыми и сытными обедами. Такой город строится.

Здесь будет

В последнем, четвертом году пятилетки должна быть пущена первая очередь Химкомбината.

На совещании о встречном плане председатель постройкома сказал:

— Когда мы закончим первую очередь и войдем во вторую пятилетку, мы будем строить завод высоковольтных изоляторов, группу азотных заводов, алюминиевый завод, газовый завод, газопровод на Москву. Мы должны будем все подчинить плану, еще больше повысить производительность труда. Сейчас нам дана цифра повысить на сорок процентов Каждый из нас—прораб, бригадир, начальник—должен распланировать эти сорок процентов. Допустим—десять на механизацию, пять на правильную расстановку сил, пять на изобретательство, двадцать на энтузиазм.

„Я, койка, требую, чтобы Иван Иваныч Мартынов не ложился на меня в сапогах"

В декабре в пионерских базах и отрядах Бобриковского строительства остро ставился вопрос борьбы за чистый культурный барак. Пионерская база при ремонтно-механическом заводе (РЗМ) взяла на себя обязательство провести культпоход по всем баракам РЗМ. Работать стали звеньями, которые прикрепили по участкам.

В двух бараках за № 5 и № 9 пионерским звеном было обнаружено совершенно антисанитарное состояние.

Этим баракам пионеры преподнесли рогожное знамя с надписью: «Баракам № 5 и № 9 за антисанитарное состояние».

Для этого пионеры вместе с санитарным врачом пошли к коменданту и выяснили, что антисанитарное положение бараков было по вине комендантов, за что и оштрафовали их на 100 и 150 рублей.

Пионерская база при Химкомбинате взяла на себя тоже обязательство включиться в культпоход. Пионеры в бараках организовали красные уголки. Организовали и сами вели работу по ликбезу.

Во многих бараках койки «разговаривали», это было так: пионеры приходили в барак, когда рабочие были на работе, и уже заранее написанные плакаты приклеивали к койке рабочего с такими надписями: «Я, койка, требую, чтобы Иван Иваныч Мартынов не ложился на меня в сапогах».

Пионеры проводили контроль над бараками, заключали социалистические договоры. Плохие, грязные бараки превратились в бараки чистые, культурные. Многие из них становились показательными бараками и получали красное знамя.

В последнее время пионеры Бобриков стали халатно относиться к работе по ликбезу и к борьбе за культурный быт в бараке. В некоторых бараках стал нарушаться санминимум. Пионерам бараков надо подтянуться.

Деткор Г. Осинин

ШТУРМОВАЯ НОЧЬ

М. Слободской

Секретарь пришел и сказал:
«Ребята!
Смена не вышла.
Простой! Прорыв!
Комсомольский газогенератор
Ждет,
Соломитом бока покрыв.
Черные крылья ночь расправила,
Вы устали. Вам нужен сон.
Но бетономешалка ждет гравия
И перекрытию нужен бетон».
Секретарь сказал:
«Отряхните усталость!
Двести в смену нужно поднять!..
Двести замесов!
Сроку осталось
На перекрытие два дня.
Работу во-время кончить надо,
Времени мало. Времени нет».
И, сбросив усталость, стала
бригада

Скрежет машинный швырять
тишине.
Сверху скатился стук топора.
Эхо упало на эстакаду.
Луна, как сонный, уставший
прораб,
Вышла смотреть на работу
бригады.
Мы темноту прогнали с лесов,
Лампами к дальним баракам
приперли,
И первый ковш, как первый кусок,
Пропал у шахтопод'емника
в горле.
Сверху подгоняют — «Бетона
мало!»
«Держите ковш — дорогая
посылка!»
И ночь, оживая, скрежещет
металлом,
И звезды рассыпаны, как опилки...
Гравий подвозят. Гравия много.

Гравий горою лег на дорогу.
Цемент и песок успевай засыпать
Бетономешалке в жадную пасть.
Торопись!
Нажимай!
Темп не возьмем никак!
Шевелись!
Загружай
Ковш шахтопод'емника.
Отгони
Упрямый сон, —
К сроку кончить надо нам.
Принимай наш бетон!
Торопись укладывать!
А утром, оставив песок для смены,
Бригада ушла доканчивать сон,
Горячей работой согретые стены
В об'ятьях опалубки сжали бетон.
Мы обливались горячим потом,
Тугую усталость отбросив прочь,
Мы завернули большую работу,
Из пасти простоя
Мы вырвали ночь.

НАРПИТ

Рассказ Верейской

Рис. Брея

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Удивлю я вас своим письмом. По-настоящему пора бы мне вам писать не письмо, а отчет о работе, но уж разрешите отложить отчет до осени, когда соберемся после каникул в институте.

Не знаю, может быть здорово будете меня крыть. Назовете может быть мою работу партизанством и должно быть будете правы. Ну, ладно—оправдываться сейчас не стану, а просто все расскажу.

Да, братцы, работы здесь непочатый край, да только еще далеко не той, на какую вы меня послали.

Поверите ли, попал я в такую глушь, какая мне и не снилась. Не только ячейки здесь нет,—ни одного комсомольца, ни одного партийца. В деревне 30 дворов, а грамотных едва-едва человек пять наберется, если не считать ребятишек. Школа—в шести верстах. Ходил я туда, познакомился с учительницей.

— Дикая деревня,—говорит,—ничего я здесь одна поделать не могу. И вам,—говорит,—ничего с ними не сделать, только горя хлебнете.

Ну, посмотрим, может я что-нибудь да сделаю.

Ни одной машины. Молотят цепами, веют лопатой на ветру, лечатся у старой знахарки. До ближайшего медпункта 20 верст, до железной дороги—85. Есть жители, никогда не видавшие поезда.

Приехали мы, я с собой сестру Нюру взял к самому началу покоса. Ну, братцы!

Нюрка было совсем приуныла. А я крепко задумался. Без дела-то ведь сидеть не хочется. И надумал вот что. Может я и не прав, да ведь и посоветоваться-то мне тут не с кем.

Рассуждал я так: словами тут ничего не сделаешь. Надо что-то сразу показать и показать что-то очень понятное, самое простое, чтобы сразу уразумели выгоды.

Тридцать дворов — тридцать хозяек-стряпух. Устроить общественное питание,—разгрузить на самое горячее время тридцать пар рабочих рук. Сразу наглядно будет. А дело это нам с Нюркой знакомое: отец повар у нас.

Вот собрали мы с Нюрой нескольких девушек потолковать, поговорил я с ними по-хорошему. Поняли. И составили мы с ними целый заговор. Славные девчата, особенно одна—Моря, так и хочется ей красный галстук нацепить. Так вот Моря эта самая и четыре ее подружки на другое утро сказали матерям:

«Нынче ты иди на покос, а я дома все справлю».

У двух ничего не вышло, а у трех подивились матери, но согласились. А девчата птицу покормили, коров к пастуху выпустили, а продукты на всю семью на день забрали да к нам. А сами на покос побежали. Моря нам потом рассказывала, — прибегает с косой, а мать на нее:

«Удрала, а обед?»

«Да я, говорит, все уж справила».— И давай косить с остальными. Ну, роса сошла, пора домой итти обедать. Моря и показывает: «Гляньте-ка, сколько вчера в три косы накосили, а сколько сегодня в четыре!» Отец засмеялся: дело ясное, лишняя коса,—не урон.

Пришли домой, а и печка не топлена.

Рассказала Морька в чем дело. И было тут бедной.

Мать и ругала-то ее и голосила. Отец проще,—потаскал за косы, поорал, да голод—не тетка.

«Веди, говорит, к твоим поварам, только чтоб этого больше не было».

Вот сошлись к нам столовники наши. Девчонки заплаканные, побитые. Матери раз'яренные, — крику было!.. Вспомню, так в ушах звенит. Отцы больше молчали. Молодежь посмеивалась исподтишка.

А мы с Нюркой—не скрою—постарались во-всю. Да признаться и своих продуктов на первый раз не пожалели,—надо же привадить. С криками, со скандалом сели за стол. А мы с Нюркой помалкиваем и знай свое дело делаем. Начали борщ есть из свекольника. Мужики только крякнули, а похвалить не хотят. Смотрим и бабы сами-то еще надутые сидят, а лопают—только за ушами трещит. Ну о молодежи и говорить нечего. Едят, молчат. А мы с Нюрой подливаем. Вдруг в окно снаружи—Тимохина голова. Тимоха—богатырь-парень. Первый весельчак, да и работник первый на деревне. Грамотный.

— Чтой-то,—говорит,—у вас? Ай именины?

А Нюра ему степенно в ответ:

— Не именины, а Нарпит.

...Взял он ложку. Пошамал, да как хватит шапкой об пол.

Тимоха фыркнул:

— Что за штука?

— Нарпит. Народное питание. Иди-ка, попробуй.

Тимоха вошел, смеется. Об'яснил я ему, в чем дело. Взял он ложку. Пошамал, да как хватит шапкой об пол.

— Ой, братцы, сейчас пойду своей старухе скажу: не стану больше твоей бурды хлебать. Неси картошку, убоину, все, что есть, Зуятам.

Бабы на него вскинулись, а Морькин отец—степенный мужик—говорит:

— Стойте вы, тетки. Коли они нас так кормить станут, на что лучше. А сколько еще лишку накошено,—лишняя коса не урон.

Ну тут уж и я целой речью разразился—все толком об'яснил. Крику еще много было, но факт налицо,—к сегодняшнему дню у нас столуются 12 дворов. Почти половина деревни каждый вечер несет нам семейный паек в сыром виде,—кто что может. Мы с Нюркой с ног сбиваемся, но до чего хорошо!.. Чую я: теперь и о колхозе заговорить можно. А то и слышать не хотели. Я было сначала пробовал...»

— Федя, поди-ка сюда. Скорей!

Федя бросил перо, сунул письмо в ящик стола и вышел на крыльцо. Нюра сидела на ступеньках и чистила картошку на завтрашний день. Ей помогала Дуняха—красивая черноглазая девушка в порванной кофте.

— Федя, знаешь, что мне сейчас Дуняха сказала?

— Ну?—спросил Федя и сел на ступеньку.

— Дуняха за Спирьку замуж собирается.

— Дуняха дурака валяет,—сказал Федя,—а ты и поверила.

— Да вовсе не дурака. Дуняха, скажи сама.

— Зачем дурака?—спокойно сказала Дуняха.—Верно она говорит.

— Дуняха, да ты с ума сошла?—Федя даже вскочил.

— Ничего не с ума. Он меня сватает.

— Да ведь знаешь же ты Спирьку. Он же всей деревне насолил. Деньги в рост дает. Неужели полюбила такого?

— Знамо дело, люблю. Как же не любить? Я у него в батрачках живу, сирота. А у него, глянь-ка, изба справная, лошадь, корова. Хозяин полный. Сестра немая, вековуша, по хозяйству поможет. Братишка Гараська вырастет — женим, выделим, — одни хозяева будем.

— Лошадь, корова,—с досадой замахала руками Нюра.—Разве ты за лошадь замуж идешь?

— Так я ж бесприданница, — сказала Дуняха и с удивлением поглядела на Нюру.

— Эх, Дуняха, Дуняха,—сказал Федя.—Красивая ты девка, а дура дурой. А может и не дура, а дикая только. Дикари вы все. Поняла?

— Зачем дикари,—обиделась Дуняха.—Дикари, слышь, голые ходют.

— Бывают и одетые,—засмеялся Федя.—Ну, Нюра, ты ее пропагандируй, а я пойду письмо допишу.

Он вошел в избу и сел опять за письмо к товарищам, слушая, как Нюра что-то горячо говорила Дуняхе.

День выдался особенно жаркий. Деревенские жители знают, что после двух-трех дней такого зноя быть грозе с ливнем. И все спешили убирать сено. Работа кипела. Покос подходил к концу.

Кипела работа и в Нарпите. Федя с Нюрой сияли. Нарпит разрастался. Деревня разбилась на два лагеря: нарпитовцы и их противники. К Нарпиту льнула беднота. Им таких обедов, какими кормили Зуята, и во сне не снилось. Да и выгода явная—бабьи руки разгружались.

Льнула к Нарпиту и молодежь. Весело было за столом. Федя каждый раз расскажет что-нибудь, хоть ложку клади да слушай.

Не в одной семье шла борьба. Где больше молодежи было, она и стариков тащила в Нарпит. А где старики одолевали, оставалось по-старому. А парни и девушки убегали хоть у краюшка стола посидеть, послушать нарпитовское веселье. Старики бранились, точили зубы на Зуевых.

А Зуевы работали, не покладая рук.

— Держись, Нюрка, держись,—подбодрял ее Федя. — Кончится покос, найдем помощницу, пускай девчата по очереди помогают.

Они стряпали уж не в своей избушке. Бабушкиной печки нехватало на всех едоков. Сняли на другом конце деревни у бобылки Степошки баню. Баня просторная—на два котла, в котлах прямо и варили обед. Куда удобнее, чем десять чугунов в одной печке. В праздник Федя с парнями сколотил из досок два длинных стола у баньки, в тени березок, и скамьи к ним. На свежем воздухе и мух

Спирька до боли стиснул ее руку.

было меньше и елось лучше. Процветал зуевский Нарпит.

В этот знойный день Нюрку совсем разморило. Она сидела в баньке у крошечного окошечка и лишь время от времени вставала, чтобы помешать в котле ячменную кашу. В другом котле кипели жирные щи.

В открытую дверь видны были столы, березки, а дальше лес на берегу реки. Эх, выкупаться бы сейчас! Нюрка утром уж бегала купаться, теперь побежал Федя.

Чьи-то босые ноги затопали под окном, и в дверях показался Гараська, десятилетний брат Спирьки. Он запыхался и тяжело дышал.

— Тебе чего?—недружелюбно спросила Нюра.

— Федька твой прислал. Тебя велел позвать,—выпалил Гараська, еле переводя дух.

— Куда? Зачем?

— Вон у тех кустах стоит. Чего-то нашел, показать тебе...

— Что такое? Как же я кухню брошу?

— А не знаю. Беги, говорит, пущай Нюрка на минутку прибегет. Живей чтоб.

Что такое?

Нюрка наспех помешала кашу огромной поварешкой, вырезанной Федей из доски, выскочила за дверь и бросилась к кустам, на которые показал Гараська.

— Федя, где ты?

Никакого ответа. Забежала за кусты,—никого.

— Федя! Федя! Ау-ау!

Все тихо. Только где-то на деревне залаяла собака. Нюра побежала обратно и издали увидала удиравшего со всех ног Гараську.

— Хулиган! Весь в братца. Ну, погоди же!—крикнула ему вслед Нюра.

Ей было досадно, что мальчишка так ловко надул ее.

— Дурак,—громко сказала она, входя в баню,—да и я, дура, поверила.

От реки широко шагал Федя.

— Ну, Нюрок, готов обед?—крикнул он издали.

— Сейчас готов,—звонко отозвалась Нюра.

———

Совсем сомлела от жары и Дуняха. Да и не мудрено. Ночь не спала, все думала, думала. Растравила ей Нюра сердце, опостылел и жених, глаза бы не глядели. Бог с ней и с лошадью! В город, вишь, Зуята зовут, грамоте научить обещаются, на фабрику определить. Станет Дуняха сознательной... И как это она за Спирьку собиралась? Весь мир на него. Одно слово—кулак. Ворочалась Дуняха, ворочалась, вспоминала, как ей Нюра говорила:

«Ведь он тебя бить будет».

— Ну что ж, коли муж жену поучит. Так уж заведено,—отвечала ей Дуняха.

А теперь и самой смешно. Федя ей все растолковал про женскую долю. Так и не спала Дуняха ночь. А тут жара нестерпимая, да еще глухонемая соленым чем-то накормила. Пить хочется, сил нет. Еле двигаются в руках у Дуняхи грабли, скатывая валы.

— Ну, заснула! — крикнул на нее Спирька.—Шевелись живей!

... Дуняха бесшумно подползла на животе ближе к копне и стала напряженно слушать...

Дуняха остановилась и вытерла пот со лба.

— Где Гараська? За водой бы послать. Пить хочу до смерти.

— Ладно, не умрешь. Гараська в деревню побег.

— Зачем?

— А я почем знаю, — огрызнулся Спирька.

Дуняха снова взялась за грабли. Ей казалось—вот-вот упадет. Кружилась голова, ноги не держали.

— Спиря! А, Спирь... Я пойду к реке воды испить—умираю, пить хочу.

— Эки новости!—Спирька оперся о грабли.—Барыня какая подумаешь. Погоди, скоро обед принесут.

— Не дотяну до обеда.

— Ну, ну, будешь у меня лодыря гонять. Я те покажу, как даром хлеб есть! — заорал Спирька.

Дуняха далеко отшвырнула грабли.

— Не ори, не муж еще,—спокойно сказала она и пошла к реке.

Спирька одним прыжком догнал ее и схватил за руку.

— Ты так разговаривать! Знаю я, откуда научилась... Повадилась к шантрапе городской шлендрать. Хорошему тебя научат коммунисты треклятые!

— Пусти,—рванулась Дуняха.

— Не пущу.

Спирька до боли стиснул ее руку.

— Говори, — зашептал он в самое ухо.—О чем с гадиной с этой, с Нюркой Зуевской, шушукаетесь? Чего в Нарпите ихнем подлом не видала? Думаешь, не знаю,—каждый вечер туда бегаешь.

— Ну и бегаю,—вызывающе крикнула Дуняха,—ну и....

Спирька вдруг выпустил ее руку. Он смотрел на дорогу к деревне. Оттуда бежал, делая ему какие-то знаки, Гараська.

Дуняха с удивлением посмотрела на Спирьку и, не оглядываясь, быстро зашагала к реке. Но ноги плохо слушались, в ушах стоял звон. Пройдя несколько копен, Дуняха остановилась... Нет, сначала, полежать, вздохнуть, потом пить.

За последней копной сразу начинались кусты. Дуняха зашла в самую чащу и бросилась в густую влажную осоку.

— Ну, как?—услышала она совсем близко голос Спирьки.

Он, видимо, шел навстречу Гараське.

Что ответил Гараська, не было слышно, заглушил шум в ушах.

Спирька плюхнулся на землю у соседней копны.

— Иди сюда, рассказывай!—сказал он негромко.

Дуняха подняла голову. Теперь она слышала гараськины шаги и прерывистое дыхание. Гараська подбежал к копне и растянулся рядом с братом.

— Ну?—нетерпеливо спросил Спирька.

Дуняха бесшумно подползла на животе ближе к копне и стала напряженно слушать...

———

Река в десяти шагах от тропинки,—вот только спуститься на бережок, но пить Дуняхе некогда. Надо бежать скорей, скорей. Ведь сколько времени потеряла, пока уползала на животе от копны, пока старалась тихонько продраться сквозь кусты к лесу.

Тихо в лесу. А в ушах звон такой, точно на каждом дереве по большому колоколу качается.

Вот и конец лесу. Теперь только поле перебежать. Узкая тропочка во ржи. Цепляется за ноги сорная трава, путает ноги, мешает.

Бежит Дуняха, вот уж близко деревня, вот уж огороды, а силы нет. Бежит Дуняха прямо через огород, по грядам—так ближе. Точно железными клещами сдавило грудь. Задыхается Дуняха. В горле сухо, язык чужой во рту. Сомлели

ноги. Не держат. Упала, лежит. И слышит... веселые голоса, смех. Ой, садятся за стол!.. Вот сейчас Федор понесет первый большой горшок. «Нюрка, Нюрка»,—хочет крикнуть Дуняха, раскрывает рот, а изо рта ни звука. Из последних сил вскочила Дуняха, побежала. Пока лежала, сердце, видно, передохнуло, не так жмет в груди. Бежит Дуняха... Вот! Вот сейчас, только за степошкин сарай завернуть,—и стол нарпитовский. Только бы не упасть опять! Только бы хватило силы добежать...

Весело было за столом, шумно. Рассаживались все, усталые, голодные. Старики на один конец стола, молодежь—на другой. Старики расселись сразу, чинно, спокойно. Молодежь весело дралась за места, кому с кем сидеть. Парни локтями раздвигали подружек, девок, садились в середку. Девки визжали, били парней ладонями по спине. Да разве этакое убоище проймешь?

— Эй, Нюрка, нарпитка, чего застряла! У меня с голоду брюхо лопнет,—вопил басом здоровенный Тимоха.

— Маленько брюхо спустишь, самому легче станет,—смеялись девки.

— Идет, идет. Несет. Вот Нарпит, так Нарпит—щами на версту разит! Хо-хо-хо! Эй, Федька, не расплескай!

Федя осторожно нес к маленькому столу, на котором стояли стопки мисочек, огромный дымящийся глиняный горшок. Он нес его, цепко держа с боков двумя тряпками, далеко вытянув вперед руки. Сзади шла Нюра с большой поварешкой.

— Гей-гей, не разлей!

— Улю-лю! Щи люблю,—заливалась молодежь.

Старики неодобрительно ворчали. Но за шумом их не было слышно.

И вдруг—звонкий девичий вскрик:

— Ой! Дуняха! Что с ней?

Все головы повернулись к степошкиному сараю, и сразу говор смолк.

Из-за сарая, еле волоча ноги, выходила Дуняха с выкаченными глазами, широко открытым ртом, задыхающаяся, красная. Платок болтался на шее, тоненькая косичка распустилась, платье было в земле. Увидя Федю, она дико всплеснула руками, хотела видно что-то крикнуть, но только шире раскрыла рот, глотнула воздух, как рыба на песке, и вдруг—прежде чем Федя успел опомниться, бросилась к нему и с силой ударила сверху ладонью по краю горшка. Горячие щи плеснулись ей на руку. Федя едва успел отскочить, горшок почти беззвучно упал на землю, раскололся надвое, и жирные дымящиеся щи потекли широкой струей, оставляя на траве куски мяса.

Никто не двинулся с места, никто не издал ни звука. Только тихо ахнул чей-то женский голос.

— Ой, мамоньки, она ж не в себе! Бешена!—визгливо крикнула вдруг какая-то девчонка, и сразу все закричали, завопили, повскакали с мест. Девки с визгом бросились бежать, бабы, истерически вопя, сбились в кучу, мужики растерялись, не зная, что делать. И растерянная стояла Нюра.

— Дуняха, что с тобой?—Федя шагнул к ней через разбитый горшок.

...Увидя Федю, она дико всплеснула руками, хотела что-то крикнуть, бросилась к нему и с силой ударила по краю горшка

Она все так же судорожно ловила раскрытым ртом воздух. Потом вдруг, словно спохватившись, кинулась к баньке.

— Куда?—Федя хотел остановить ее, но Дунька увернулась, находу схватила с земли осколок горшка, шатаясь побежала к баньке, наклонилась, сгребла осколком кучу лошадиного навоза и вскочила на крыльцо.

— Дунька, что ты!—бросился за ней Федя, а за ним еще несколько парней. Но когда они вбежали в баньку, Дуняха уже высыпала навоз в густо дымящийся котел со щами и с ожесточением собирала с полу и бросала туда же мусор, песок, щепки.

— Дунька!

Федя схватил ее за руку. Она посмотрела на него, шевельнула губами, показала красной вспухшей рукой на котел, и вдруг глаза ее закатились, и тело тяжелым, неживым комком свалилось к ногам Феди.

Он поднял ее на руки. Она была без памяти.

(Окончание следует)

МОСКВА РАСТЕТ

(ИЗ КНИГИ „БОЛЬШАЯ МОСКВА“)

(Начало в № 4)

Я. Шатай

Насчет воды

Немного воды утекло, как говорится, за четырнадцать лет, а какие грандиозные перемены!

Кстати о воде. Москва-река течет сегодня точно так же, как текла четырнадцать лет назад. И в то же время не совсем так:

— Жена, — говорил где-нибудь на окраине вернувшийся с фабрики усталый рабочий, — как бы насчет чайку?

Жена накидывала платок, захватывала ведра, коромысло и шла за несколько улиц к водоразборной будке. Ругая московские порядки, она тащила на себе воду...

Москва-река заходила на дом только к богатым и сама лилась из водопроводного крана в медное нутро «купецкого» самовара.

Так было до революции.

Теперь водопроводные трубы протягиваются на окраину.

Прежде чем вода из Москва-реки добирается по «жилочкам» водопровода до кухонного крана, она проходит через Рублевскую насосную станцию, которая подает в сутки 24 с половиной миллиона очищенной от бактерий, профильтрованной, вкусной воды. Около 3 миллионов ведер дает еще Мытищенский водопровод.

Москва каждый день выпивает добрую половину протекающей в Москва-реке воды. Недаром сейчас по Москва-реке ходят только небольшие пароходики, плоскодонные баржи и лодки для катанья.

Москва растет! Воды уже нехватает! И ЦК принял очень важное и смелое решение:

соединить каналом Москва-реку с Волгой!

Москва-река станет широкой, полноводной рекой. По ней пойдут большие, взрослые пароходы. Они будут причаливать к дебаркадерам Московского порта, который вырастет на месте теперешней скромной пристани. Загудят протяжные басы теплоходов и пароходов, привозящих и увозящих товары по водному «шоссе» обновленной Москва-реки. Заработают лебедки и под'емные краны. Грузчики за работой будут кричать «майна-вира» — вверх-вниз, — совсем, как на Волге.

Работа уже началась. Через несколько лет в Москва-реку хлынут нетерпеливые волжские волны.

Резиновые пассажиры

Рабочий день — один из трудовых дней пятилетки—кончился! На окраинах ревут гудки старых и новых фабрик и заводов. В центре по коридорам учреждений трещат звонки.

На стройках бьют молотками о звонкий рельс. Табельщики открывают заветные доски. Усталые руки тянутся к номеркам.

Из проходных будок, ворот и под'ездов на узкие московские улицы выходит примерно в один и тот же час миллионная армия рабочих и служащих.

Целый день, рассеянная по заводам, стройкам и учреждениям, армия эта боролась под лозунгами:

— Даешь ударную работу!

— Даешь выполнение плана!

Теперь на улице у всех один «лозунг»:

— Даешь трамвай!

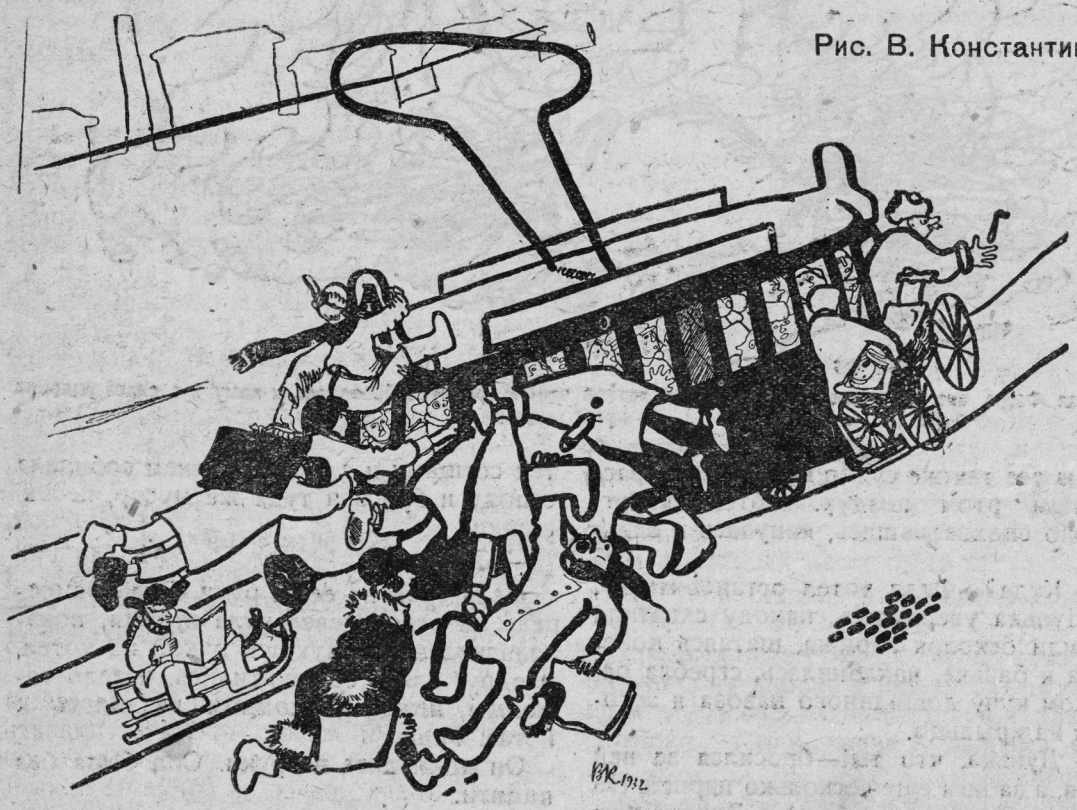
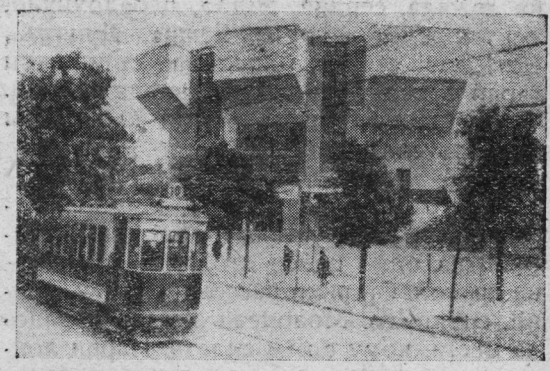


Рис. В. Константинова



Новый клуб им. Русакова

Новый дом Госторга на Мясницкой

В Москве больше полсотни разных трамвайных линий. Каждая имеет свой номер или букву. У нас есть «Аннушка» (буква «А»), «Букашка» (буква «Б») и другие.

Вот она идет, «Аннушка», раздвигая толпу красным железным животом. Москвичи, толкаясь, наступая на чужие и иногда даже на свои мозоли, теряя пуговицы, лезут в вагон.

— Мест нет!—кричит забитый в угол бедный кондуктор. — Граждане, мест нет!

— Жми, навались, — напирают пассажиры.

Вагон набит доотказа.

— Граждане, вагон не резиновый, — умоляет кондуктор, дергая за сигнальную веревку.

— Ничего, мы сами резиновые, — отвечают сдавленные пассажиры.

Вагон трогается. «Резиновые» пассажиры пропихиваются к выходу...

За годы революции построены новые трамвайные пути, соединяющие окраины с центром. Почти в два раза увеличилось количество вагонов. Появились автобусы и такси. И все-таки городской транспорт не справляется сейчас со своей работой, он не поспевает за ростом красной столицы. «Аннушки» и «Букашки» работают во-всю, но этого недостаточно.

ЦК нашел выход. Он вынес такие важные решения по вопросам городского транспорта, что им пожалуй стоит отвести отдельную главу.

О кольцах и диаметрах ЦК решил:

Надо построить трамвайное кольцо по Камер-Коллежскому Валу.

В Москве есть уже два кольца. Ведь Москва построена примерно так: посредине стоит Кремль, окруженный высокой кирпичной стеной с башнями. В Кремле, где когда-то жили русские цари, сейчас помещаются важнейшие правительственные учреждения Советского союза. От Кремля в разные стороны лучами расходятся улицы, которые соединяются между собой целой сетью прихотливо изгибающихся переулков. Очень похоже на паутину, если посмотреть сверху, с той только разницей, что в паутине нити гораздо прямей. Московскую паутину улиц и переулков «ткали» без всякого плана. Сейчас очень трудно ее выпрямить. Не скоро еще разберешь эту паутину, напутанную разными «паучками» за сотни лет...

Когда-то Москву окружало несколько поясов каменных стен. Стены эти давно рассыпались. На их месте выросли деревья и дома, и получились три «кольца»: **Бульварное,** по которому бегает «Аннушка», Садовое — с «Букашкой» и **Камер-Коллежское,** которое как окраина осталось без трамвая, — так строила дума.

Через два года по этому валу побежит трамвай и свяжет между собой чуть ли не все фабрики, заводы и рабочие поселки Москвы, которые как раз находятся в районе этого кольца. Это будет «колечко» километров на 50. Называться оно будет вероятно фабрично-заводским.

Теперь насчет «диаметра».

К платформам московских вокзалов один за другим прибегают поезда. Одни из них приходят запыхавшиеся; паровозы тяжело дышат; черный дым кудрями завивается над трубой. Горячий пар нетерпеливо выбивается из котла. Другие поезда ведут себя очень странно. Они приходят без паровоза и тихонько стоят без шипа и горячего дыхания, без дыма и пара. Это — **электропоезда.** Уже несколько лет они бегают по пригородной линии Северной железной дороги. Скоро они забегают и по другим дорогам. У них очень важный вид, но те, кто в них часто ездят, привыкли и называют их просто «электричкой».

Люди с узлами и корзинками, с мешками и молочными бидонами, с портфелями и чемоданами выходят на площадь и начинают осаждать трамваи и автобусы.

Это — люди, живущие одной ногой в Москве, а другой — на даче. Многие живут там и зимой, их так и прозвали «зимниками».

По утрам и после работы дачники и «зимники» густо заселяют и трамваи и автобусы.

ЦК решил избавить «зимников» от пересадки. «Электричка» может отлично доехать до центра Москвы.

И ЦК вынес решение: **построить внутригородскую железную дорогу, которая проходила бы через центр города и связывала бы важнейшие вокзалы.**

Эта дорога пойдет местами на столбах, а местами будет уходить под землю, чтобы не занимать места у и без того тесной улицы.

Эта дорога называется **диаметр,** как и всякая линия, соединяющая две точки окружности и проходящая через центр, круга. Впрочем это уже из геометрии...

Первый в СССР

Но это будет мало для Большой Москвы.

Москве давно нужен **метрополитен.**

«Начать в 1932 году строительство московского метрополитена», — решил пленум ЦК.

«Метрополитен» — это такая фирма. В 1860 г. она построила в Лондоне первую **подземную** железную дорогу. С тех пор такие дороги стали везде называть **метрополитеном,** вроде того, как например примус получил свое назвачие от фирмы «Примус».

Такая дорога строится сейчас, после решения пленума, в Москве.

Наш метро будет лучший в мире — так обещают инженеры и рабочие.

Метро гораздо удобнее трамвая: он не загораживает улицы, не заполняет ее грохотом и звоном. Ему не надо будет пробираться по всем изгибам и «коленам» московских улиц. Он мчится со скоростью 35 километров в час по тоннелю, прорытому в земле под улицами и домами.

К началу 1934 года будет закончена первая линия. Я тоже еще никогда не ездил в метро. Очень интересно попробовать. Люди знающие говорят, что очень здорово.

— А столкновений не бывает?—спрашивал я у них.

— Какие там столкновения?! Ведь линии метро устроены так, что нигде не пересекаются.

— А часто идут поезда?

— Один за другим, через одну-две минуты.

— А не может задний поезд наскочить на передний? — допытывался я.

— Нет, там устроены особая сигнализация и автоблокировка.

— А что это за автоблокировка?

— Такое приспособление, которое пускает поезд только на свободный участок.

— А обвала не может быть?

— А-а... — передразнил меня человек, который ездил в метро и которому я сильно завидовал, — бывают только в случае землетрясения. В Москве часто случаются землетрясения?

Я вспомнил, что в Москве их не бывает, и успокоился.

Работа идет. Через несколько лет мы будем кататься под землей. Это будет совсем не страшно. Там будет достаточно светло, наверно светлее, чем в пасмурный день на улице.

Что такое „ТЭЦ"

Зима в Москве наводит свои известные зимние порядки.

Москвичи после работы становятся на коньки или лыжи. В новых рабочих поселках «выходные» собираются в мощные лыжные отряды. Забыты гребля и плавание.

Впрочем плавание не совсем забыто. При крупных заводах (АМО, Динамо

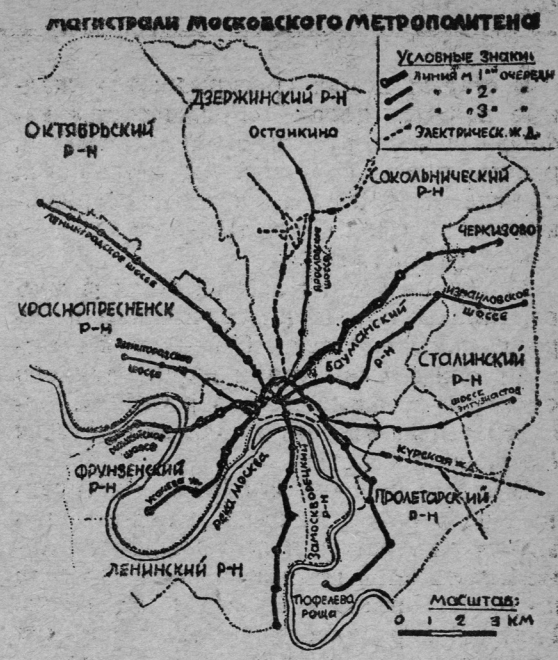
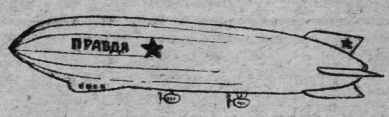
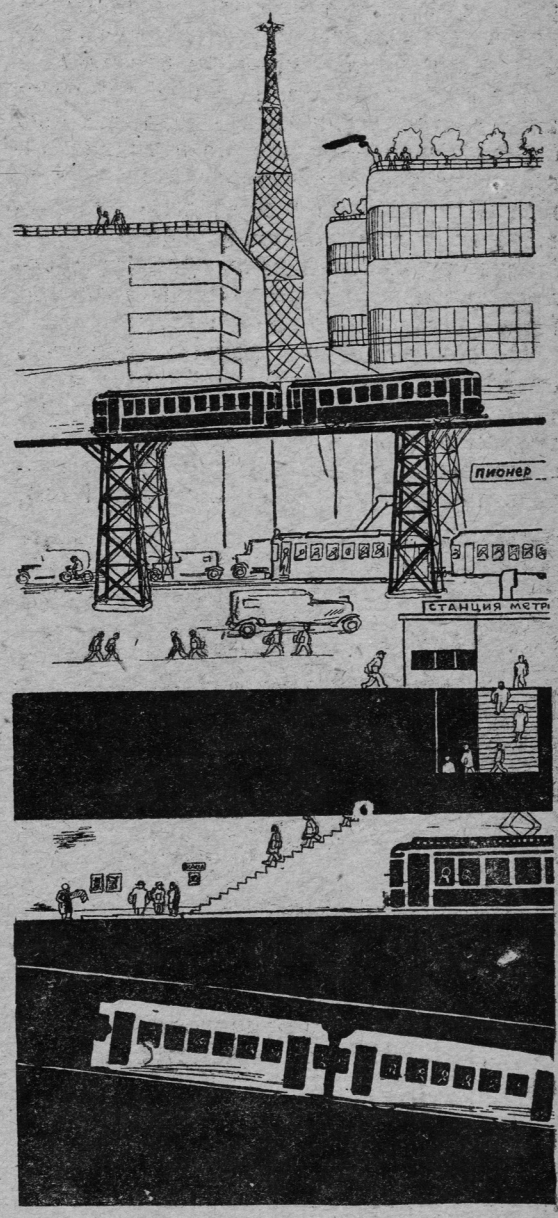


Рис. В. Константинова





и др.) построены большие бассейны. Там тепло и можно прыгать, плавать, нырять, играть в ватер-поло, совсем как в реке, только разве на лодке не покатаешься или рыбной ловлей не займешься...

В старых домах раскрываются жадные печные пасти. «Голландские» кафельные печи, русские печи с лежанкой, разные плиты с духовками, оставшиеся кое-где от 1919 года чугунные «буржуйки»—все в один голос требуют:

— Дров! Угля!

Москвичи возят с лесных складов дрова, складывают их по сарайчикам и берегут каждое полено. С неохотой вылезают они зимним утром из-под теплого одеяла и принимаются за растопку. Десятки тысяч человек ежедневно возятся с кочергой у печки.

В новых рабочих корпусах, построенных на окраине, не надо каждому возиться с кочергой. В подвале такого дома помещается громадный котел, около которого орудуют один-два истопника. Горячий пар подается по трубам во все квартиры. Это—центральное отопление. Рабочие, живущие в этих домах, по утрам щупают трубу:

— Ага, теплая... — и подкручивают кран, пропускающий пар.

Есть еще одно место, где можно было бы купаться,—это Москва-река. Она замерзает не вся. Около электростанции река не застывает на большом протяжении в самые лютые морозы. Темная вода болтается, как летом,—даже пар идет.

Из всего топлива, которое пожирает электростанция, оказывается, только небольшая часть—процентов пятнадцать—превращается в электричество. Остальные 85 процентов в виде дыма отапливают небо или в виде горячего пара—Москва-реку. Ежедневно громадное количество пара и горячей воды выбрасывается совершенно зря в воду.

Моссовет давно решил: довольно отапливать реку. Надо отапливать квартиры. Надо горячий пар направить по трубам в дома и заводы, чтобы можно было выкинуть «голландки» и освободить тысячи людей от кочерги. Надо, чтобы Электростанция давала не только электричество, но и **тепло;** надо строить теплоэлектроцентрали — ТЭЦ.

Уже сейчас теплотехнический институт высылает по трубам пар заводам АМО, Динамо, Паростроя и жилым домам.

Есть еще две теплоэлектроцентрали.

Но этого мало. Пленум постановил:

Надо расширить существующие ТЭЦ и **построить новые** в рабочих районах.

В конце концов Москва совершенно освободится от разбросанных везде печей и от домовых котлов. Несколько станций будут отапливать всю Москву. Тепло побежит по трубам точно так, как и электричество бежит по проводам. Сотни тысяч людей освободятся от возни с топкой. Топливо не будет сжигаться зря.

Это будет настоящее **центральное отопление.**

Зеленая Красная Москва

«За веру, царя и отечество!»—кричали когда-то пьяные приказчики и толстомясые купцы из Охотного ряда.

Охотнорядцы—всякие «Трофимовы с сыновьями», «Грибковы с наследниками», «Михайловы с компанией»—ненавидели рабочих за то, что те выступали против «царя» и против «веры», против буржуазного «отечества». Рабочие мешали им спокойно наживаться в своих «бакалейных и гастрономических магазинах».

Во время рабочих демонстраций охотнорядцы выбегали с колбасными ножами на помощь полиции, разгонявшей рабочих, и пьяной оравой накидывались на демонстрантов.

Моссовет решил стереть с лица Москвы это позорное пятно.

Сейчас от всего Охотного ряда остались горы кирпича и груда ржавых вывесок.

Московский совет строит на этом месте громадную благоустроенную гостиницу. В ней будет 1.200 больших светлых комнат. Это будет красивое, стройное здание. Кругом вырастут аллеи из густых высоких деревьев.

Такие аллеи протянутся по всем улицам. Красная Москва становится зеленой. Тысячи деревьев рассаживает Моссовет вдоль тротуаров. Москва будет похожа на парк.

Зелень проникает и в здания, «ближе к производству». Уже сейчас на многих заводах растут тропические деревья. Они себя хорошо чувствуют, особенно в горячих цехах. Над головой склонившегося к станку рабочего шелестят пальмовые листья...

«Зеленый наряд» будет также окружать Дворец советов, который строится сейчас на том месте, где раньше стояла громадная, нелепая церковь. Этот дворец будет самым большим и наверное самым красивым в мире...

Парки культуры и отдыха разбиваются на окраинах около белых корпусов новых домов и заводов.

Москва, став Красной, становится кроме того еще и зеленой...

И Центральный комитет партии и Московский совет поставили трудную задачу: перестроить Москву, сделать ее настоящим социалистическим городом.

Это нелегко. Нужно много людей, много машин и много денег. Нужно много кирпича, камня, железа...

Нужно много настойчивости, много большевистского упорства, много упрямства и энтузиазма в работе...

Сейчас делаются только первые шаги.

Москва—революционная столица трудящихся всего мира. В разных уголках земного шара угнетенные рабочие мечтают о Красной Москве.

Построим ее такой, какой она им в мечтах представляется, а может быть... еще лучше!..

На рабочей окраине

Советская площадь

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 ГОД

на детский журнал

„ПИОНЕР“

издание „Комсомольской правды“
Литературно-художественный журнал пионеров и школьников
Орган ЦБ и МБ пионеров и Наркомпроса
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

„ПИОНЕР“ иллюстрируется лучшими художниками и фотографами. К работе в журнале привлечены лучшие детские писатели.

„ПИОНЕР“ помещает художественные очерки, рассказы о политехнической школе, о социалистическом строительстве, о жизни пионеров в школе, отряде, дома, на производстве, в колхозе.

„ПИОНЕР“ совершает с читателями путешествия по новостройкам и зарубежным странам, освещает движение за рубежом.

„ПИОНЕР“ имеет отделы: библиография, уголок технической пропаганды, уголок юмора, уголок затейничества и досуга.

„ПИОНЕР“ отводит большое место детскому творчеству. По всему поступающему деткоровскому материалу дается консультация, о чем и как нужно писать.

„ПИОНЕР“ отражает все политические кампании в нашей стране и за рубежом.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес.— 35 к. На 6 мес.—2 р. 10 к.
На 3 мес.—1 р. 05 к. На 12 мес.—4 р. 20 к.
Цена отдельного номера—20 коп.

Подписка принимается во всех отделениях, у письмоносцев и пикетчиков „Пионерской правды“, в школах и отрядах.

Издатель: издательство ЦК ВКП(б) „Правда“, сектор „Комсомольская правда“ Отв. ред. **Ел. Куйбышева.** Оформление журнала **Б. Мясин**

Сдан в набор 22/II, подписан к печати 11/III—32 г. 135000 зн. 1 бум. л. Изд. № 254

Уполномоченный Главлита № В—21067 Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48. **Заказ № 550.** **Тираж 41.800**